

На правах рукописи

ВОСКОВОЙНИК ГРИГОРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

**ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ОБЩЕЙ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА**

Специальность 10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва - 2004

Работа выполнена на кафедре перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации Иркутского государственного лингвистического университета

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Валерий Алексеевич Иовенко

доктор филологических наук, старший
научный сотрудник
Всеволод Викторович Потапов

доктор филологических наук, профессор
Роман Романович Чайковский

Ведущая организация: Пятигорский государственный
лингвистический университет

Защита диссертации состоится «20» Августа 2004 г. в 11³⁰
часов на заседании диссертационного совета Д 212. 135. 02 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Московском
ордена Дружбы народов государственном лингвистическом университете
по адресу: 119992, г.Москва, ГСП-2, ул. Остоженка, д. 38.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского ор-
дена Дружбы народов государственного лингвистического университета.

Автореферат разослан «11» ноябре 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

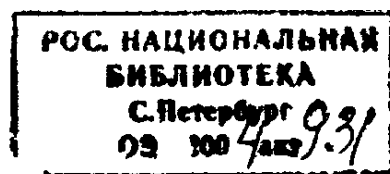

В.С. Страхова

Реферируемая диссертация посвящена исследованию когнитивной базы переводческой деятельности в лингвофилософском аспекте. В диссертации ставится и решается проблема создания модели процесса перевода в свете философского анализа категории тождества.

Актуальность настоящего исследования состоит в том, что оно отвечает на назревшую в переводоведении потребность определить общенаучные закономерности, согласно которым развивается переводческая эпистема. На фоне активных исследований перевода как общественно значимой деятельности и одного из основных средств межкультурной коммуникации недостаточно изученными оказались личностные особенности переводческого процесса, связанные с организацией профессионального сознания и с принятием переводческих решений [Tougy 1994]. Определенный прогресс в этой области достигнут в результате протоколирования переводческого процесса, его статистической обработки, выявления соответствующих количественных и качественных закономерностей [Dechert, Sandrock 1986; Krings 1986; Tommola 1986; Lersher 1991; Подольская 1998], однако цельной теории в форме действенных лингвофилософских принципов до сих пор не предложено.

Актуальность диссертации также обусловлена необходимостью выявления лингвофилософских оснований общей когнитивной теории перевода и разработки на их основе когнитивной модели переводческого процесса в единстве его параметров и свойств. Главный идеологический принцип соответствующего научно-исследовательского замысла заключается в том, что переводческая деятельность представляет собой движение сознания между тождеством и различиями. Тождество - универсальный когнитивный ориентир (ср. «универсальный горизонт» у К.Риссера; Risser 1997) переводчика, свободный от условий времени и пространства. Различия же проистекают из специфики конкретной эпохи, культуры, текста, личностного тезауруса переводчика. Именно преодолением возникающих при взаимодействии тождества и различий когнитивных противоречий обусловлено формирование и развитие переводческой эпистемы.

Построение общей когнитивной теории перевода особо востребовано с точки зрения широкого понимания перевода как деятельности, относящейся к **любой попытке** межъязыкового посредничества - независимо от ее результатов, или того, что именуется в теории речевых актов перлокутивным эффектом. Такое широкое толкование явления позволяет свести в единую эпистему знание мэтра и «наивного» переводчика, пытающегося посредствовать в межъязыковом общении без всякого предварительного опыта и знаний.

Объектом исследования является процесс языкового посредничества, обусловленный когнитивными опорами перевода.

Предметом исследования выступают лингвофилософские основания (эпистемические закономерности, соотношения, оппозиции) общей когнитивной теории перевода.

Цель исследования заключается в выявлении лингвофилософских оснований общей когнитивной теории перевода, которые сводимы к понятиям тождества и когнитивного диссонанса и их диалектическому взаимодействию в семиотическом пространстве переводческого дискурса, и в построении на основе этой теории когнитивной модели переводческого процесса.

В соответствии с целью исследования необходимо было выполнить следующее:

- определить основные особенности философской категории тождества, связанные с природой переводческой эпистемы;
- установить соотношение основных признаков тождества с ключевыми понятиями теории перевода «эквивалентность» и «адекватность»;
- представить модель, описывающую переводческий процесс и переводческие стратегии с учетом когнитивно ориентированных значений «эквивалентности» и «адекватности»;
- дать описание понятия «переводческий дискурс», определить его роль как среды, в которой реализуются варианты предложенной модели переводческого процесса;

- раскрыть содержание понятия «когнитивный диссонанс (переводчика)» и обосновать его роль для описания когнитивных процессов переводческой деятельности;
- интегрировать показатели тождества и когнитивного диссонанса в когнитивной модели описания переводческого процесса;
- продемонстрировать применение модели в ходе анализа дискурсов профессиональных переводчиков, критиков перевода, специалистов по межкультурной коммуникации и студентов, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение».

Методологической основой диссертационного исследования послужили философские концепции тождества, представленные наиболее известными и авторитетными авторами, от Аристотеля до Б. Рассела, от Плотина до Г.-Г. Гадамера, а также критически переосмысленная семиотическая концепция Ч. Пирса. Эскурсы в теорию языка потребовали обращения к ее фундаментальным положениям, разработанным отечественными и зарубежными учеными. Среди них необходимо выделить идеи Е.С. Кубряковой и А.М. Поликарпова о когнитивном значении единиц языка и речи [Кубрякова 1996; Поликарпов 1998], исторические и типологические параллели расхождения языков и культур, отмеченные Т.А. Амировой и А.В. Кирилиной [Амирова 2000; Кирилина 2000], принципы лингвистического моделирования, установленные Б.Ю. Городецким и Р.К. Потаповой [Городецкий 1995; Потапова 2001]. Разработка специальных аспектов теории опирается на положения об адекватности и эквивалентности перевода, выдвинутые В.Н. Комиссаровым [Комиссаров 1990; 1999; 2003], принципы жанрово-стилистического анализа текстов ИЯ и ПЯ, сформулированные М.П. Брандес и И.И. Убиным [Брандес 1988; Убин 1994].

В процессе изучения проблемы был использован ряд методов исследования. Ведущий метод — интерпретационный с учетом диалектических принципов. В качестве частных методов использовалось моделирование (с частично формализованным представлением исследуемых объектов), описательно-

сопоставительные методы качественного и количественного анализа данных, адаптированные к условиям исследования.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- впервые разработано оригинальное решение проблемы взаимодействия тождества и различий в процессе перевода; это взаимодействие обусловлено когнитивными особенностями деятельности переводчика. В зависимости от типа переводимого текста на интенциональном уровне деятельности актуализируется одна из двух разновидностей тождества: позитивистская или феноменологическая;
- впервые обоснована сущность когнитивного диссонанса переводчика как следствие осознания им различий между текстами ИЯ и ПЯ, которые не удается преодолеть в процессе движения к тождеству;
- впервые исследовано понятие переводческого дискурса: определена его сущность и выявлены основные статутные признаки.

Теоретическая значимость диссертации заключается в следующем:

1. Установленные лингвофилософские категории, определяющие сущность переводческой деятельности, формируют альтернативное научное понимание сущности переводческого процесса и принципов создания и развития индивидуального переводческого знания.
2. Выявленные закономерности динамики переводческой эпистемы дают возможность разработки общей когнитивной теории перевода.
3. Разработанная общая когнитивная теория перевода относится к фундаментальным исследованиям и вместе с теориями перевода как общественно значимой деятельности образует универсальную научную антиномию.
4. Переосмысление ключевых понятий теории перевода «эквивалентность» и «адекватность» позволяет объединить новые результаты с прежними достижениями науки о переводе и на основе преемственности определить дальнейшие исследовательские перспективы

5. Разработка понятия «переводческий дискурс» является вкладом не только в переводоведение, но также в теорию дискурса.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности применения результатов исследования в курсе лекций по когнитивным аспектам перевода (экспериментальный вариант курса прошел апробацию в 2003-2004 учебном году в Иркутском государственном лингвистическом университете), при написании студентами - будущими переводчиками научно-исследовательских работ. Основные положения теории могут быть использованы при создании лингводидактических теорий и технологий, исследующих и оптимизирующих процесс подготовки лингвистов-переводчиков.

На защиту выносятся следующие **положения**:

- Переводческая эпистема, т.е. система специальных знаний, управляющих процессом перевода, формируется в контексте общегносеологических принципов тождества и различий.
- Характер переводческой эпистемы определяют две разновидности тождества - позитивистская и феноменологическая. Позитивистское тождество основывается на восприятии его сторон как объективно данных в языке и действительности (определяется понятием «(переводческое) соответствие»). Оно управляет межъязыковым посредничеством в Мире Действительности / Действия, т.е. в коммуникативном пространстве, в котором участники используют язык для осуществления **реальных практических действий**. Доминирующая интенция переводчика - **«соответствовать действию»**. Феноменологическое тождество основывается на синтезе его сторон во внутреннем времени его (переводчика) (определяется понятием «переживание»). Оно управляет межъязыковым посредничеством в Мире Ценности, т.е. в коммуникативном пространстве, в котором участники используют язык для **выражения и восприятия переживаний**. Доминирующая интенция феноменологического тождества - **«соответствовать переживанию»**.

- «Эквивалентность» как цель переводческого процесса соотносима с позитивистским тождеством. «Адекватность» как понятие ценности / оценки переводческого процесса соотносима с феноменологическим тождеством. В переводческом процессе две разновидности тождества диалектически взаимодействуют.
- **Когнитивный диссонанс** призван фиксировать в переводческой эпистеме различия между текстами ИЯ и ПЯ, которые переводчику не удастся преодолеть в процессе движения к тождеству.
- Эпистемическое соотношение тождества и когнитивного диссонанса обнаруживается в переводческом дискурсе - вербальном представлении переводческой эпистемы в результате работы над конкретными произведениями коммуникации. Переводческий дискурс формируется в условиях оппозиции «позитивистское vs феноменологическое тождество», в рамках которой действуют следующие статутные оппозиционные признаки: 1) персональность vs институциональность дискурса; 2) объективные vs субъективные принципы аргументации; 3) центральный концепт текста ИЯ vs центральный концепт переводческого дискурса; 4) объем переводческого тезауруса vs объем переводческого дискурса; 5) симметричные переводческие решения vs линейные отклонения от последовательности текста ИЯ.
- Основная смысловая единица переводческого дискурса — линейное отклонение или рассуждение переводчика о контексте явления языка или культуры, завершающееся принятием переводческого решения.
- Когнитивная модель переводческого процесса основывается на следующих категориях: «действительность-1 (ИЯ)», «действительность-2 (ПЯ)», «ИЯ», «ПЯ», «сознание переводчика». В сознании переводчика взаимно проецируются объекты действительности-1 и действительности-2, в результате чего принимается переводческое решение.
- Дидактическая эволюция переводческой эпистемы на до-профессиональных уровнях проходит три стадии, характеризующиеся специфическими отноше-

ниями тождества и когнитивного диссонанса. **Первый уровень - взаимное отрицание:** либо принятие тождества без признания когнитивного диссонанса, либо признание в неспособности самостоятельно продвигаться к тождеству. **Второй уровень - единство в тексте:** способность двигаться к тождеству и осознавать когнитивные диссонансы в контексте текстов ИЯ и ПЯ. **Третий уровень,** знаменующий выход на профессиональную эпистему, - **трехмерное пространство перевода:** способность продвигаться к тождеству и осознавать когнитивные диссонансы в контексте дискурса, т.е. единства языка и действительности ИЯ и ПЯ.

Материал исследования составили около 800 текстов, репрезентирующих переводческий дискурс профессиональных переводчиков, критиков и комментаторов перевода, специалистов по межкультурной коммуникации. Проанализировано более 4400 текстов, которые представляют переводческий дискурс студентов 1-5 курсов университета, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение».

Апробация результатов исследования проводилась на заседании филологического совета Иркутского государственного лингвистического университета, научно-методических семинарах кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации ИГЛУ, объединенном заседании кафедр теоретической лингвистики, немецкой филологии и французской филологии ИГЛУ, на международных конференциях «Языковая политика и языковое планирование» (Иркутск - Улан-Удэ, 2001), «Русский язык в кругу мировых языков и языковая политика» (Иркутск, 2002), «Язык. Культура. Межкультурная коммуникация» (Хабаровск, 2003), на региональных межвузовских научных конференциях (Иркутск, 2000; Красноярск, 2002; Иркутск, 2003). Основные результаты диссертации обсуждены на заседании кафедры теории, истории и критики перевода Московского государственного лингвистического университета и опубликованы в «Вестнике МГЛУ» № 499 (Москва, 2004).

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Глава 1 посвящена проблеме тождества как гносеологической категории, под знаком которой осуществляется переводческая деятельность. В первом разделе устанавливаются две разновидности тождества (позитивистская и феноменологическая), определяющие общий характер эпистемы. Во втором разделе доказывается, что понятие «эквивалентность» в переводческой эпистеме соотносится с позитивистской, а «адекватность» - с феноменологическими разновидностями тождества.

В первом разделе главы 2 определяется сущность переводческого дискурса. Подчеркнута связь языковых и культурных компонентов дискурса. Обоснована единица перевода, значимая с когнитивной точки зрения, - линейное отклонение - отвлеченное от времени текста ИЯ высказывание, аргументирующее принятие переводческого решения. Во втором разделе на основе предварительного анализа переводческого дискурса выводится модель когнитивного представления процесса перевода.

Глава 3 посвящена понятию «когнитивный диссонанс», призванному означать различия, с которыми сталкивается переводчик на пути к тождеству. Производится уточнение модели и ее экспериментальная проверка в контексте различных типов переводческого дискурса.

В главе 4 осуществляется проверка модели на уровне становления до-профессиональной переводческой компетенции. Доказывается, что категории тождества и когнитивного диссонанса определяют переводческую эпистему до-профессионального уровня и диалектически взаимодействуют в ходе развития профессиональной компетенции.

Содержание и основные результаты исследования

Глава I диссертации, озаглавленная «Тождество как универсальный эпистемологический принцип переводческой теории и практики», состоит из двух

разделов. Первый из них посвящен анализу известного принципа тождества, определяющего абсолютный горизонт переводческой эпистемы. В ходе анализа теоретических источников выясняется, что философские воззрения на тождество сводятся к двум принципиально различным идеологическим линиям. Одна из них исторически связывает учения Аристотеля, Г.В. Лейбница и Б. Рассела. В ее основе представление о тождестве как об **объективном** соотношении вещей (предметов действительности), в том числе языковых единиц и фактов культуры. В теории перевода такое представление ярко проявляется, например, в понятии «закономерное соответствие» [Рецкер 1974]. Суть последнего заключается в установлении единиц ИЯ и ПЯ, в которых регулярно и независимо от контекста ситуации воспроизводится их общее содержание. Отношение тождества в этом случае опирается на закономерное соответствие единиц ИЯ и ПЯ.

Методологически эта разновидность тождества восходит к основному принципу позитивизма: то, что является сознанию как **автономная, внеположная индивидуальным представлениям** сущность, истинно [Рассел 1999]. Поэтому установленная разновидность тождества названа **позитивистской**.

Альтернативная теория учений о тождестве пролегает от критики Плотином категорий Аристотеля к феноменологии Э. Гуссерля и далее - к герменевтическим идеям М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера. Исследователей связывает убеждение в том, что тождество - продукт **индивидуального представления** о действительности, или, в терминах феноменологии, событие внутреннего времени его. В современной герменевтике для обозначения такого события используется термин «переживание». Концептуально он интегрируется с универсальным термином герменевтики «понимание», положенным в основу известной переводческой теории М.П. Брандес [Брандес 1988]. Сообразно с логикой этой философской линии соответствующая разновидность тождества названа **феноменологической**.

Второй раздел главы I нацелен на установление связи между выявленными формами тождества и ключевыми понятиями переводоведения «эквивалентность» и «адекватность». Их первая особенность заключается в том, что они ука-

зывают не только на сходство (тождество), но также на различия. «Эквивалентность» обладает также свойством градуируемости: ее определения как степени смысловой близости единиц и высказываний ПЯ к единицам и высказываниям ИЯ [Комиссаров 2003; Латышев 2000; Lederer, Selescovitch 1985; Sager 1994; Untermeyer 1970], равно как внутренняя форма термина (латинское *aequivalere* - равный по силе), располагают к ее измерениям по шкале «больше / меньше» (эквивалентности). «Адекватность», несмотря на этимологическое родство с «эквивалентностью», подчеркивает цельность восприятия содержания и не обладает свойственной «эквивалентности» морфологичностью. Этот вывод опирается на распространенное понимание адекватного перевода как «хорошего» или «правильного» [Комиссаров 2003].

Вторая особенность ключевых понятий переводоведения связана с характерным распределением предпочтений в их употреблении со стороны теоретиков перевода. Термином «эквивалентность» предпочитают пользоваться ученые, преимущественно работающие с текстами Мира Действия, термином «адекватность» - занимающиеся текстами Мира Ценности.

Метафизическое разграничение Мира Действия и Мира Ценности заимствовано у Э. Уайтхеда [Уайтхед 1990], причем в качестве разделительного критерия избраны переводческие интенции «соответствовать действию» и «соответствовать переживанию». Первая интенция - в ее условиях предпочтителен термин «эквивалентность» - характерна для перевода текстов, коммуникативной целью которых является изменение практической деятельности адресата. Научно-технические тексты, инструкции по эксплуатации приборов и оборудования, договоры, контракты, прочие юридические документы и т.п. - типичные образцы текстов Мира Действия. Поскольку организация действия предполагает следование определенной структуре, правомерна альтернативная формулировка интенции - «соответствовать структуре». Понятие эквивалентности, сориентированное на позитивистское тождество, наиболее точно и последовательно разработано в

теориях, опирающихся на критерии системы языка [Гак, Григорьев 1996; Латышев 2000; Виноградов 2003; Комиссаров 1990,2003].

Содержание понятия «адекватность» погружено в аксиологический контекст и связано с ориентацией на феноменологическое тождество. Эта связь логически выводится из положений М.П. Брандес и В.И. Провоторова об обусловленности адекватного перевода коммуникатом произведения, или макетом последнего, т.е. целостной конструкцией [Брандес, Провоторов 2001]. Переживание, равно как понимание в теории М.П. Брандес - всегда целостное событие, ему чужды признаки процедурности. Поэтому переводчики поэзии и художественной литературы в целом предпочитают говорить об адекватности перевода. Здесь реализуется и природная сообразность языка: сочетание «адекватное чувство / эмоция / переживание» более приемлемо, чем «эквивалентное переживание».

Третья особенность понятий «эквивалентность» и «адекватность» заключается в характерной тенденции научного узуса, которая определена как интенциональная полярность переводческих максим. Известное высказывание Ф. Шлейермахера о взаимоисключающих путях переводческих решений логически обращено в современных теориях из дизъюнкции в конъюнкцию: многие ученые настаивают на том, что «переводной текст должен максимально полно воспроизводить не только смысл и содержание **оригинала, но и его структуру...**» [Латышев 2000, 16] (выделено нами - Г. В.; ср. также [Гак, Григорьев 1996; Кашкин 1968; Крупин 1974; Savory 1968]). В радикальной форме конъюнктивная логика представлена в максимах Т. Сэвори: 1) перевод должен передавать слова оригинала, 2) перевод должен передавать мысли оригинала. При передаче слов оригинала слово ИЯ уподобляется индексальному знаку, **указывающему** на вещь, действие, событие и т.п., воспринимаемые в Мире Действия ПЯ. Позитивистские доминанты в этой системе восприятия очевидны. Напротив, передача мысли требует **отождествления** ее **во внутреннем времени ego**, т.е. интенции, сообразующейся с феноменологическим тождеством.

Таким образом, три основные особенности понятий «эквивалентность» и «адекватность» свидетельствуют о дихотомии форм тождества в переводческой эпистеме.

Дихотомическое напряжение обнаруживается в содержании понятия «эквивалентность», когда оно используется для оценки перевода текстов Мира Ценности. Это напряжение обнаруживается в определении динамической эквивалентности Ю. Найды и в ее дальнейших разработках А.Д. Швейцером, Л.К.Латышевым, а также А.Нойбертом и Дж.Кэтфордом. Идеологически разные формы тождества обуславливают принципиально разные подходы к определениям, с одной стороны, относительно четких структурных критериев формальной эквивалентности, с другой стороны, переменчивых, всецело определенных контекстом критериев динамической эквивалентности. Предложенное в диссертации разведение терминов «эквивалентность» и «адекватность» сообразно разновидностям тождества является полезным уточнением опорных представлений в переводческой эпистеме.

Во второй главе диссертации «Диалектика двух форм тождества в основных переводческих стратегиях» представления о двух разновидностях тождества положены в основу разработки целостной когнитивной модели, обладающей достаточным диапазоном адаптации к главным переводческим стратегиям. В первом разделе главы определяется контекст интерпретации, необходимый для разработки модели. Такой контекст обуславливает необходимость введения нового понятия - переводческий дискурс (ПД), который представляет собой вербальное представление профессиональных действий переводчика, включающее перебор вариантов перевода, аргументацию принимаемых решений и их комментарии. Понятие «дискурс» избирается для описания действий переводчика, потому что оно обладает рядом необходимых свойств. Во-первых, понятие относится и к языку, и к культуре, что позволяет удовлетворить известному требованию учета контекста культуры в переводе. Во-вторых, весьма полезным оказывается различение персонального и институционального дискурсов. Наконец, как открытая

речедеятельностная структура дискурса свободен от необходимости представления в каком-то завершенном, каноническом виде: любые, пусть самые незначительные и мимолетные рассуждения, оценка, комментарий переводчика способны стать основанием для определения ПД.

Установлен ряд свойств ПД.

1. Двойственный характер аргументации в переводческом дискурсе. Переводческий дискурс определяется как одна из разновидностей аргументативного дискурса (подробно о последнем - Еемерин, Гроотендорст 1994; Dijk 1996). Его неизменные участники - переводчик или комментатор/критик, выступающий в качестве протагониста конкретной точки зрения на переводческие решения, и аудитория, в которой моделируется антагонист этой точки зрения. Как в любом аргументативном дискурсе, цель протагониста - используя рациональные средства и приемы, убедить антагониста в приемлемости / неприемлемости точки зрения [Еемерин, Гроотендорст 1994].

Самое существенное свойство аргументативных высказываний в ПД связано с различием аргументов, обусловленным природой тождества, на которое ориентируется переводчик. Аргументы в условиях позитивистского тождества подводятся под следующую логическую формулу (сложную пропозицию): «Решение А (из конечного ряда A_1, \dots, A_n) принимается потому, что существует общее правило / норма / традиция и т.п., которое приложимо именно к данной ситуации». Ниже приводятся сообразующиеся с этой формулой типичные высказывания комментаторов и переводчиков:

- «deregulation следует переводить как «дерегуляция», потому что такой перевод рекомендован Институтом мировой экономики на основе опыта международных конференций» [Фоминых 1994,29];
- «incorruptibilis лучше переводить на современный немецкий язык как unvergänglichliche Verstandeskraft, учитывая комплексное значение, которое это слово приобрело в поздней латыни» [Nicolaus von Kues 1982,168];

- «если ориентироваться на значение в Англо-Русском политехническом **словаре** - а в этом случае нет оснований не верить ему - rectangular V-block нужно переводить как «продольный зажим». Наверное, на некоторых производствах переводят иначе, но тогда это либо какой-то специфический механизм, либо корпоративный сленг» [Войлошников 2002,14];
- «близкий к структуре текста ИЯ перевод здесь оправдывается, потому что для **юридических текстов - это норма**» [комментарий студента 5 курса] и т.п.

Логическая формула аргументации в условиях феноменологического тождества иная. У нее отчетливый персональный характер: «Я принимаю решение А (из множества A_1, \dots, A_n), потому что воспринимаю / интерпретирую / смысл текста ИЯ как согласующийся именно с А». Как у многих сложных Я-пропозиций, у этой формулы очень много конкретных разновидностей, что связано с разнообразием способов выражения личностных модусов в языке. Ниже приводятся отдельные примеры:

- «**Я также решил**, что глагол vigilare лучше передать предикативным сочетанием с прилагательным (remain watchful). Но позже, не исключено, **я** передумаю» [Weaver 1989,101].
- «Как еще **мы можем проникнуть** в мир Г.Галлера? **Нам будет невероятно трудно** вообразить себе подлинную духовную атмосферу монастыря XV века» [Baueг 1972, 15]. Инклюзивное «мы», призывающее читателя к сопереживанию, несколько осложняет персональную «чистоту» Я-пропозиции, но отнюдь не изменяет ее природу.
- «Здесь (в контексте стихотворения К.Сендберга - Г.В.) слово creature несет, **по-моему**, уничижительный смысл. Поэтому я **считаю**, я **прав**, когда выбираю слово «тварь» (самоанализ перевода студентом 5 курса).

Логические различия аргументов объяснимы. В условиях позитивистского тождества необходимы указания на эксплицитные **внешние** условия - правила, нормы, стандарты и т.п., - регламентирующие выбор эквивалентов. Напротив,

феноменологическое тождество требует синтеза во **внутреннем времени** его. Отсюда - замкнутость аргументов на «Я», т.е. на опыт личных переживаний.

2) *Персональность vs институциональность ПД.* Двойственный характер аргументации позволяет предположить, что в их завершенности тексты переводческих рассуждений дают либо институциональный, либо персональный дискурс. Эти разновидности дискурса активно исследуются Волгоградской школой [Карасик 2000; 2002]. Лучшие примеры завершенных текстов, восходящих к принципам позитивистского тождества, - учебники по переводу технических, научных, политических и прочих текстов, принадлежащих Миру Действия. Логическая формула аргумента обретает в них статус развернутой логической максимы типа: **«Тексты класса А (=представляющие определенную область науки, техники и т.п.) необходимо переводить, опираясь на правила / нормы / стандарты R1, ..., Rn, которые излагаются в данном учебнике»**. Как правило, такие учебники достаточно жестко структурированы, а каждый их раздел действительно выполняет роль макроправила, в соответствии с которым следует работать с терминологией (пусть это - R1), грамматикой (R2), композиционной структурой (R3) и т.д. В результате учебники обычно отличаются **предписывающим, институциональным** характером: закономерно, что на многие из них выдается гриф научной, технической или административной организации по соответствующему направлению.

Учебников - в каноническом смысле этого слова - по переводу художественной литературы или поэзии нет вообще. Есть аналитические откровения переводчиков, непременно указывающих, что их произведение: 1) попытка проникнуть в тайну поэтического перевода методом самооткровения, 2) поделиться с читателем открытиями и переживаниями, которые довелось испытать во время работы над художественно-литературным или поэтическим произведением, 3) личный опыт приобщения к творческому миру поэта / писателя N, который не утверждает никаких окончательных оценок и т.д. и т.п. Даже те из книг, что рекомендуются для студентов, не несут институциональности несмотря на то, что

могут быть рекомендованы как учебные материалы официальными организациями. Их задача - организовать со-переживание, приобщение к опыту синтеза художественных событий во внутреннем времени его (переводчика - автора книги). Следовательно, такой ПД выполняется под знаком феноменологического тождества.

3) *Концептуальная асимметрия текста ИЯ и ПД.* Данная особенность ПД соотносится с общелингвистическим свойством дискурса, которое В.З. Демьянков определяет как организацию по преимуществу «вокруг концепта» [Демьянков 1983]. Установлено, что не каждый ПД основывается на центральном для текста ИЯ концепте. Так, «Вечная кибитка» Дж.Г. Байрона связана концептом ВЕЧНОСТЬ; в статье А. Финкеля, посвященной анализу переводов этого произведения на русский язык, преобладает внимание к проблеме точности в передаче ритма и байроновского «мужского начала» [Финкель 2002]. Тютчевское «Славянам» восходит к концепту СТЕНА; однако переводческий дискурс Д.И. Гарусова сосредоточен на теме культурных стереотипов [Гарусов 2003].

В переводах модернистской и постмодернистской поэзии роль связующего концепта в тексте ИЯ часто вообще не акцентируется переводчиком-комментатором. Так, участники известной дискуссии в литературно-поэтическом фонде Г.К. Уитталл о переводе поэзии приходят к выводу, что, например, «перевод на английский язык стихов А. Вознесенского вовсе не требует понимания исторических или культурных событий, о которых идет речь» [Translation of poetry 1972, 37]. Это закономерно, потому что основные переводческие проблемы часто не сводятся к передаче текстообразующего концепта.

4) *Линейные отклонения в ПД.* Линейные отклонения (ЛО) дискурса профессиональных переводчиков - известный факт, он подтверждается общим рабочим принципом, согласно которому переводятся сначала легкие фрагменты текста, а в последнюю очередь - самые трудные (см. например, Латышев 2000, 275). Линейные отклонения проявляются также в процедуре перебора переводчиком возможных вариантов [Швейцер 1988; Цвиллинг 1998; Dechert, Sandrock 1986].

Еще более показательны эвристические схемы, разработанные специалистами по машинному переводу. В известной схеме Ю.Н. Марчука модифицированный семиотический треугольник предполагает отвлечение от линейной последовательности текста ИЯ, т.е. ЛО (см. Марчук 1985, 111-112). Рассудочная логика ЛО в целом сводима к математическому описанию: это доказывает проект «Розетта», цель которого - машинный перевод английского, нидерландского и испанского языков. Ключевым понятием алгебры этой переводческой системы является гомоморфизм, с необходимостью полагающий альтернативные импликатуры, которые анализируются как нелинейные уравнения [Rosetta 1994, 390-407]. Метод проистекает из композиционного подхода к значению, который, в свою очередь, восходит к грамматике Р. Монтегю, активно использующей нелинейные отношения в языке [Thomason 1974, 222-246]. Нелинейный характер взаимодействия базы данных с блоками грамматической и лексической обработки текста ПЯ очевиден в системе ФDmdialog, предназначенной для синхронного перевода с японского на английский [Kitano 1994, 4].

Часто само линейное отклонение представляет собой дискурс в той его ипостаси, которую М. Фуко образно определил как «археологию» (знания) [Фуко 1999]. Практически любое пособие, включающее предпереводческий анализ текста, не обходится без «археологии», причем в значительном объеме. Типичный пример — «Несистематический словарь...» П.А. Палажченко, большинство статей которого дают примеры ПД выраженной археологической направленности. Проблемы перевода английского слова *publicist* комментируются в следующем тексте: «В современном словоупотреблении, особенно в США, практически утратило значение, эквивалентное русскому *публицист* ... Основное значение — *специалист в области рекламы*, например, *рекламный агент* или иногда *автор рекламных текстов*. Во втором подзначении чаще употребляется слово *copywriter* ... Как же в таком случае перевести русское *публицист*! Можно рекомендовать *political writer* или *social commentator*. Страница публицистики в серьезных газетах

называется Op-Ed Page (opinion and editorial). Статьи, публикуемые там, называют op-ed articles или pieces - *публицистические статьи*» [Палажченко 2003,227].

Связь характера ПД с установленными в первой главе двумя разновидностями тождества демонстрируется в ходе анализа примеров, среди которых наличествуют явные научно-идеологические противоположности: примеры ПД Б. Климзо и Дж. Штайнера.

When *maintenance and servicing* are required on *equipment and machines*, the energy sources must be isolated and lockout/tagout procedures implemented. Energy isolation is the term Tabcon *will use* to describe machines with all energy sources neutralized. Energy sources can be, *but are not limited to* electrical, pneumatic, hydraulic, chemical, thermal and others. Energy is also the potential energy from suspended parts ofsprings [Климзо 2003; курсив авторский- Г.В.].

ПД Б. Климзо состоит из следующих трех примечаний, касающихся проблем перевода выделенных слов и их сочетаний:

1. Maintenance - техническое обслуживание, включающее в себя ремонт (repair) и обслуживание (servicing). Иногда под maintenance имеют в виду профилактический ремонт. Автор инструкции подстраховывает себя на «патентный лад» и употребляет maintenance and servicing... Однако глубоко редактировать авторский текст переводчику не следует.

2. Здесь глагол will - показатель не будущего времени, а обычности, регулярности...

3. Фраза (имеется в виду but are not limited to) явно патентного происхождения... [Климзо 2003,268].

Полный объем текста ИЯ около 3500 знаков, а соответствующий ему дискурс состоит из 11 примечаний, аналогичных приведенным трем. Из них 1 и 3 очевидным образом относятся к области культуры (патентное право и порядок его заявления), 2 - к области языка. В остальных 8 примечаниях области языка и культуры разделены с такой же определенностью.

Идеология позитивистского тождества и связанная с ней логика переводческой эквивалентности проявлены в ПД Б. Климзо со всей определенностью. И языковые факты, и факты культуры обладают сравнительной структурной завершенностью. За патентной заявкой, законопроектом, деловым письмом, контрактом и т.п. стоит культура, опирающаяся на конвенции, правила, нормы, закрепленные в Мире Действия и потому верифицируемые за пределами феноменологического переживания, т.е. в социальной практике. Именно поэтому линейные отклонения выполняются в виде упорядоченных отсылок к сведениям нормативно регламентирующего характера.

Полной противоположностью ПД Б. Климзо является дискурс Дж. Штайнера [Steiner 1970]. В первой главе его книги «После Вавилонской башни» анализируются поэтические и художественные произведения четырех авторов: «Цымбелин» У. Шекспира, «Чувства и чувствительность» Дж. Остин, сонет Д.Г. Розетти «Спасение Анжелики морским чудовищем» и «Частная жизнь» Н. Коварда. Схема линейных отклонений в ПД совершенно иная. Она включает следующие 5 этапов: 1) «анализ современных автору значений ключевых слов → 2) анализ синтаксических конструкций (в контексте времени авторства) → 3) анализ жанровых особенностей произведения (как правило, в режиме сопоставления с работами современников автора) → 4) анализ релевантных особенностей культуры и общества, современных произведению → 5) прогнозирование переживания произведения современниками Дж. Штайнера (1970-ые годы)». Заключительный этап включает в интерпретацию все сведения и выводы, установленные на этапах 1) - 4). На примере монолога Постхьюмуса из «Цымбелина» Дж. Штайнер так описывает структурные опоры круга интерпретации: «От заключительного монолога Постхьюмуса во втором действии мы переходим к «Цымбелину» как завершенному произведению, а затем к сущности шекспировской драмы и, наконец, к контексту культуры и литературной жизни, к которому относится его творчество» [Steiner 1970, 7]. По заключению Дж. Штайнера самым сложным является этап синтеза - хрестоматийный образец синтеза во внутреннем времени его:

«[помимо этого круга интерпретации] остается сфера переживания... Что мы знаем о семантике елизаветинского дискурса...? ... Можем ли мы, хотя бы с какой-то определенностью, обозначить разницу [между тем, что переживаем мы, и тем, что чувствовали современники Шекспира], или мы интерпретируем страстный монолог Постхьюмуса, полагаясь на творческое воображение человека 20-ого столетия, какими бы дотошными ни были наши исследования лексики и редакционных традиций времен короля Якова?...» [там же].

Очевидно, что Б. Климзо и Дж. Штайнер строят совершенно разные структуры ПД. Выполненный в русле позитивистского тождества ПД представляет собой **конечный** список проблем и способов их решений. Тексты ИЯ и ПЯ, вокруг которых вращается дискурс, адресованы в мир социальной (профессиональной) практики, т.е. в Мир Действия, где именно **практический опыт** становится гарантом дальнейшей судьбы текста ПЯ: либо последний становится посредником социального (профессионального) взаимодействия, либо отвергается как неадекватный или ошибочный. Таким образом, действие - в широком смысле слова - является коммуникативной целью текста и, следовательно, переводческого дискурса. Поэтому он строится так, чтобы свести тексты ИЯ и ПЯ в едином Мире Действия - **процедурном** по сути, дискретном и полностью верифицируемом общественной практикой.

На другом полюсе переводческой эпистемы - феноменологическое тождество и соответствующий ему ПД. Его конечность возможна только как синтез во внутреннем времени его, т.е. в условиях **личного переживания** автора дискурса. Отсюда характерная особенность заключительной части феноменологического ПД: выраженное - в разной степени - авторское ощущение бесконечности интерпретаций, обилие риторических вопросов, высказывания, общий смысл которых сводим к следующей сложной пропозиции: **«Это то, что я вижу и переживаю в связи с восприятием текста ИЯ; не исключено, что другой увидит и переживет иное».**

Таким образом, ориентиры на разные формы тождества эксплицированы в ПД, что доказывает дуалистичный характер переводческой эпистемы.

Разработка когнитивной модели, представляющей основные переводческие стратегии, начинается с критического анализа системно-семиотической концепции перевода, восходящей к идеям Ч. Пирса. В целом принимая философскую глубину и рабочие принципы концепции, мы возражаем против двух ее положений: против призыва к переводчику не трансформировать семиотическую структуру оригинала, потому что «безличность [переводчика] составляет суть его профессии» [Клюканов 1998, 79], и против использования спорной категории смысла. Схематическое изображение процесса перевода согласно исходному системно-семиотическому представлению следующее:

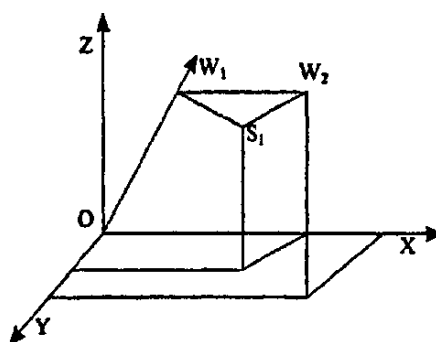

Схема 1. Перевод как процесс (по И.Э. Клюканову)

Значения векторов и вершин следующие: OX - ось сознания, OY - ось действительности, OZ - ось языка, OW - вектор смысла. Очевидно, что последний не что иное, как *tertium comparationis* в традиционной теории перевода; сам И.Э. Клюканов поясняет его присутствие так: «...В процессе этих [переводческих] преобразований должен сохраняться какой-то инвариант; было предложено рассматривать в качестве такого инварианта смысл коммуникативной деятельности, представленной на мнимой оси W , доступной наблюдению только в виде умственного конструирования, т.е. в виде идеального конструкта» [Клюканов 1998, 26].

Представляется, что трех осей, на которые опирается семиозис - действительности, языка и сознания - достаточно для когнитивного представления пере-

водческого процесса. Если принять эти положения, отпадает ненужная категория виртуального смысла. Для ситуации «идеального» перевода, в котором происходит встреча знака с объектом, схема приобретает следующий вид:

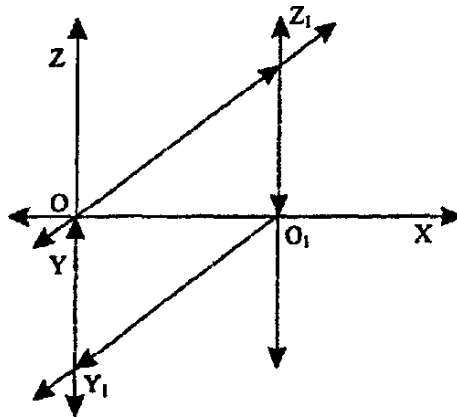

Схема 2. Когнитивное представление «идеального» перевода

На этой схеме кроме уже известных осей введены $O_1 Z_1$ - язык перевода и $O_1 Y_1$ - действительность ПЯ, а сам процесс перевода описывается замкнутой последовательностью четырех векторов $O Z_1 O_1 Y_1 O$. Собственно языковая составляющая перевода - вектор $O_1 Z_1$. Тогда $O O_1$ и $O_1 Y_1$ отображают работу сознания, оценивающую степень приближения знака к объекту, т.е. эффективность принимаемого переводческого решения: ясно, что такая деятельность требует обращения как к системе ПЯ, так и к особенностям представления знаний в ПЯ (=отображения действительности). Наконец, вектор $Y_1 O$ возвращает процесс в исходную точку, в которой единое сознание переводчика синтезирует язык и действительность в результате восприятия текста ИЯ. В такой «идеальной» ситуации перевода не должно быть никаких отклонений при возвращении в исходную точку. Ситуацию можно пояснить примером обратного перевода: последний должен давать в точности исходное высказывание / текст.

В реальных ситуациях все обстоит иначе, и предлагаемая схема подлежит модификации с целью отображения двух основных переводческих стратегий - форенизации и доместикации:

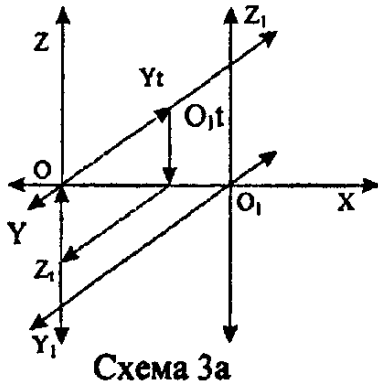

Схема 3а

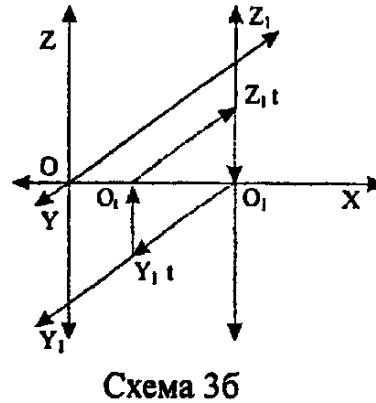
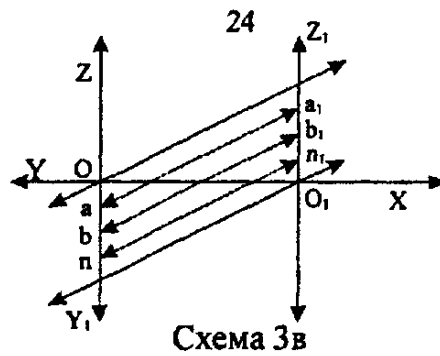

Схема 3б

При форенизации (Схема 3а) выбор в пользу ИЯ приводит к тому, что в переводе отображается действительность исходной культуры (вектор OY_t). Однако вследствие различий языков и культур интерпретант OY_t не достигает объектов, которые проистекают из действительности переводной культуры ($Y_1 O_1$) через ПЯ ($Z_1 O_1$). В результате разрыва $O_1t - O_1$, знаменующего возникновение когнитивного диссонанса, сознательная деятельность переводчика ($O - Y_t - O_1t - Z_t$) завершается признанием того, что образ действительности, полученный в ходе переводческого процесса ($Y_t - O_1t - Z_t$), отличается от ближайшей к нему области действительности ($Y_1 - O_1$) ПЯ.

Поскольку предлагаемая схема моделирует **принятие переводческих решений**, целесообразно прояснить ключевые пункты алгоритма. Так, принятие решения о стратегии форенизации целиком обусловлено доминантой образа культуры ИЯ (на схеме 3а - $O(Y_t O_1t)Z_t$). Иными словами, точка зрения переводчика определяется особенностями, своеобразием языка и действительности исходной культуры. Напротив, решение о стратегии доместикации принимается от доминанты образа культуры ПЯ - $O_1(Y_1t O_1t)Z_1t$ (см. схему 3б). Опираясь на ПЯ ($Z_1 O_1$) и его образ ($O_1 Y_1t$), переводчик тем самым удаляется от образа текста ИЯ на расстояние, выраженное отрезком $O - O_1t$, а следовательно, и от действительности, отраженной ИЯ. Очевидно, что когнитивный диссонанс возникает в результате оценки отклонения конечного интерпретанта от объекта OY .

Используя модификацию исходной схемы, можно отобразить логику словного перевода:

Здесь a, b, \dots, n - последовательность слов текста ИЯ. Интегративная точка зрения переводчика отсутствует; она ограничена сознательными однозначными соответствиями, а процесс перевода сведен к простой совокупности проекций $a - a_1, b - b_1, \dots, n - n_1$.

Вследствие этой механической соотнесенности текстов ИЯ и ПЯ - а она **минует** этап **работы** с действительностью - оба текста в сознании переводчика в одинаковой степени удалены от действительности как ИЯ, так и ПЯ. Он либо не понимает содержания действительности (например, при переводе «вслепую» специального текста), либо намеренно идет на пословную стратегию, чтобы максимизировать отражение действительности ИЯ в единицах ПЯ (так, например, поступают при радикальном переводе). В последнем случае цель переводчика - попытаться преодолеть разрывы $O_1t - O_1$ или $Ot - O$ (см. схемы 3а и 3б), являющиеся источником когнитивного диссонанса.

Таким образом, критический анализ семиотического подхода к переводу позволяет построить новую теорию, которая учитывает позитивные стороны этого подхода: идею перевода как процесса, точки (локуса) схождения языка, сознания и действительности, а также весьма продуктивное различие знака, объекта и интерпретанта. Вместе с тем, устранение из теории категории виртуального инвариантного смысла и ее переориентация на сознательные операции переводчика с действительностью, отраженной в текстах ИЯ и ПЯ, позволяют утверждать, что подлинной движущей силой принятия новых и пересмотра прежних переводческих решений является когнитивный диссонанс переводчика. Не «созревание» знаков во времени побуждает одного и того же переводчика пересматривать ранее сделанные переводы, а его собственное **внутреннее время ego**, меняющееся,

претерпевающее диалектические метаморфозы (достаточно сравнить ранних и поздних К. Чуковского, Б. Пастернака, С. Маршака, М. Гаспарова, С. Гончаренко и других известных переводчиков).

Знания переводчика, его способность организовать встречу знака-интерпретанта с объектом - вот движущая сила семиозиса в межъязыковом переводе. Ведь переводить на профессиональном уровне способны далеко не все билингвы и полиглоты, а те проблемы, которые профессионал решает мгновенно благодаря знанию и опыту интерпретации, могут быть непроходимым барьером для начинающих переводчиков.

Таким образом, предложенная схема когнитивного представления переводческого процесса отражает идеологию тождества и различий как основного принципа, положенного в основу теории, и может быть адаптирована в целях отображения основных переводческих стратегий.

В главе III «Когнитивный диссонанс в переводческом дискурсе как показатель поисков тождества» описываются результаты апробации модели в ходе анализа ПД признанных мастеров перевода, а также отличных от прототипического ПД, в которых, тем не менее, наличествуют все признаки межъязыкового посредничества. Это необходимо с целью анализа не только ядра переводческой эпистемы, но также ее периферии.

Окончательно уточняется понятие «когнитивный диссонанс» переводчика (далее - КД). За основу рабочего определения принимается формула основателя теории КД Л. Фестингера: «...X и Y находятся в диссонантном отношении, если не-Y следует из X» [Фестингер 1999, 29]. Иными словами, если в условиях стремления к тождеству не удастся преодолеть различия, **знание** о последних является источником КД. Согласно рабочему определению КД переводчика есть **отраженные в произвольной** (не имеющей регламентированных способов и приемов выражения) **форме знание переводчика о том, что между текстами ИЯ и ПЯ имеются различия, и реакция на это знание.**

В исследовании анализу подвергаются 5 примеров ПД, представляющих знания экспертов по разным областям межъязыкового посредничества. Один из них - прототипический ПД профессионального переводчика - приводится с полным контекстом анализа. Г.Мирам в «Переводных картинках» показывает на примерах, как происходит процесс перевода [Мирам 2001]. Демонстрация осуществляется в режиме комментариев собственных переводческих решений, что и дает в совокупности профессиональный ПД.

Первый объект комментариев - перевод романа Дж.Ле Каре «Портной из Панамы». Приведем несколько типичных комментариев:

1) После описания контекста романа, связанного с употреблением слова barged: *«Приняв во внимание все эти соображения, ...я остановился на эквиваленте «возник» [8].*

2) После описания культурно-исторического фона, стоящего за одним из главных героев: *«Я назвал его ..Гарри Пендел..., а его отца я уже назвал Пендель» (на том основании, что Гарри - эмигрант второго поколения, а отец, львовский еврей - первого) [9].*

3) *«Подумайте о том, что предложили бы вы, а я перевел historic features просто «реликвии»; решил назвать ателье Пендела «торговый дом»... и решил передать испаноязычный фон словами «компания лимитада» в названии» [12].*

4) *«С г-ном Collier с улицы (?) Eccles я потерпел полное фиаско в том смысле, что нигде не смог найти его (может, вам повезет больше)...» [12].*

5) *«Мне не удалось выяснить, кто такой Samuel Collier, и тем более я не знаю, что такое Eccles, улица или город, и в какой стране жил этот знаменитый часовой мастер, если это, вообще, не фирма или магазин В связи с чем у меня есть основания считать, что фамилия часового мастера ничего не скажет и русскому читателю и у меня как у переводчика есть только один выбор опустить эти имена собственные и заменить их словом «старинный» [14].*

б) «... переводить или не переводить французский текст Я думаю, переводить не надо (нет его перевода и в оригинале) - образованный читатель и так поймет, а не поймет, так пусть посмотрит в словарь» [15].

В этих примерах основные черты профессионального ПД выявляются с очевидностью. Причем профессиональный ПД является разновидностью персонального дискурса. Выраженная личностная агентивность - «я решил», «я не нашел», «я назвал» и т.п. - показывает, что связующим фактором принятия решений выступает сознательная деятельность переводчика - единое сознание, внутреннее время его. При этом не обнаруживается свидетельств ориентации переводчика на какой-то инвариантный смысл.

В указанных примерах хорошо просматривается линия маневрирования между доместикацией и форенизацией как основными переводческими стратегиями. Так, «фамилию Оснард мне русифицировать не удалось» [9]; *historic features* - «реликвии»; «ателье Пендела - торговый дом» выдают характерные интенции и решения доместикации, в то время как «компания лимитада» и сохранение оригинала *Quel Rapama!* в эпиграфе - явная форенизация.

Целесообразно указать на некоторые черты данного ПД, связывающие настоящий момент развития теории с ее предшествующими этапами. В первую очередь эти комментарии касаются особенностей ПД. Аргументативный характер ПД проявляется в систематическом и весьма подробном обосновании переводческих решений. Аргументы по преимуществу обращены непосредственно к читателю, в котором автор усматривает «модельного» антагониста; поэтому неслучайны апелляции типа «возможно, вам повезет больше». Эти же апелляции выдают признаки КД. Осознание содержательных различий между текстами ПЯ и ИЯ и одновременное прекращение попыток уменьшить эти различия создают характерную разновидность КД - вынужденное согласие с принятым решением [Фестингер 1999, 120]. Стремление уменьшить когнитивный диссонанс, вызванный вынужденным согласием, приводит к попыткам его социализации, к приобщению «модельного» антагониста к решению проблемы («я не могу лучше, но и

вы не сможете»). Это особенно очевидно из заключительного комментария перевода: «... смею утверждать, что другой грамотный перевод будет, как писал один мой начальник в рецензиях на работы своих аспирантов, «не более лучше и не менее хуже» моего» [Мирам 2001, 31]. Здесь - еще один частый спутник КД, юмор, призванный увести фокус дискурса от темы остающихся различий между содержанием текстов ИЯ и ПЯ.

Еще одна характерная особенность профессионального ПД - многочисленные показатели перебора вариантов. Комментарии, сопровождающие перебор вариантов, свидетельствуют о том, что полюсами, определяющими ход мысли переводчика, являются области действительности либо ИЯ, либо ПЯ, но никак не виртуальный смысл, на центральной роли которого настаивают интерпретативная теория перевода и системно-семиотические подходы. Вот типичные примеры: «Как эквивалент "Piese o'sake" я выбрал «просто, как мычание». Что-то ни «конфетка», ни «ляля» не показались мне словами из лексикона английского аристократа, пусть даже слегка «приблатненного» [31], «Я решил оставить *cher collegue*, чтобы сохранить в тексте больше «не нашего», а то получилась бы исповедь русского дипломата, ...и в меру своего чувства юмора передал *immolate* как «аннигилировал» [33], «Синг-Синг - знаменитая тюрьма в Нью-Йорке...не станет ли образованный читатель, не разобравшись, жаловаться на неграмотных переводчиков, поместивших Синг-Синг в Панама? Может быть, заменить на Матросскую Тишину...? Нельзя, слишком по-русски, и потому звучит дико» [32].

Схемы 3а и 3б в соответствии с особенностями профессионального ПД Г. Мирама целесообразно свести в единую схему, репрезентирующую «плавающую», адаптивную стратегию маневрирования. Ее реализация - чередующиеся попытки приблизить знак-интерпретант ПЯ к объекту действительности ИЯ (форенизация) или найти соответствие знака и объекта действительности ПЯ, которое, по мнению переводчика, замещает аналогичное соответствие в ИЯ (доместикация):

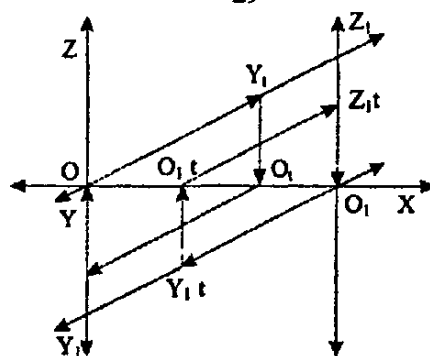

Схема 4. Профессиональное маневрирование переводчика в режиме «форенизация - доместикация» (по данным ПД Г. Мирама)

Другое откровение Г. Мирама связано с выводом об особенностях перевода научно-технического текста. В этом случае от переводчика ожидается твердое следование идеологии позитивистского тождества. Пример Г. Мирама такое предположение подтверждает:

To carry out the measure the forearm is placed on a support surface of the machine and blocked by a device provided for the purpose. A series of crosswise scans is then carried out by the highly collimated dual energy beam.

The transmission data received by a scintillation detector stored by the computer allow the evaluation of the measured bone content and the elimination of the abatement due to soft tissues, thanks to combination of the data of the two energies.

Вот перевод этого небольшого текста, выполненный неспециалистом в области медицины:

«Для выполнения измерений предплечье пациента помещают на специальную опору и фиксируют предназначенным для этой цели приспособлением. Затем с помощью сильно коллимированного пучка лучей от двух источников производится поперечное сканирование.

Излучение регистрируется сцинтиляционным детектором, сигнал которого поступает в память компьютера. Содержание костной ткани определяется на основе сигнала детектора. Использование данных от двух источников излу-

ния позволяет компенсировать ослабление сигнала мягкими тканями» [Мирам 2001, 170].

Экспликация всех семантических единиц оригинала, известная как полнота перевода, безошибочно выдает стремление переводчика к позитивистскому тождеству. Совсем иные эпистемические ориентиры у специалиста - научного работника, инженера и т.д. Вариант перевода того же текста специалистом-медиком почти вдвое короче:

«При обследовании рука пациента фиксируется на специальной опоре. Поперечное сканирование выполняется двумя сильно коллимированными пучками. Плотность костной ткани измеряется по уровню сигнала сцинтилляционного детектора, реагирующего на два источника излучения, что позволяет компенсировать ослабление сигнала мягкими тканями предплечья» [Мирам 2001, 169-170].

Г. Мирам делает следующий вывод: «В сфере науки и техники от перевода требуется «функциональная информационная полнота [170] (выделено нами - Г.В.). Специалист уверенно интерпретирует текст ИЯ, устраняя избыточные единицы информации, которые составляют универсальный тезаурус специалиста соответствующей области научно-технической практики. Совместный контекст интерпретации специалистов содержит большое количество единиц информации, не требующих дополнительного согласования в ходе профессионального общения — они принимаются «по умолчанию».

В терминах предлагаемой в исследовании теории данное положение интерпретируется следующим образом. В то время как неспециалист-переводчик научно-технических текстов руководствуется законами позитивистского тождества, специалист опирается на **феноменологическое** тождество. Г. Мирам характеризует переводческую деятельность специалиста как интерпретацию, а она - устойчивый признак феноменологического тождества. Эта особенность предполагает различия в организации внутреннего времени его. Схемы 5а и 5б демонстрируют это различие:

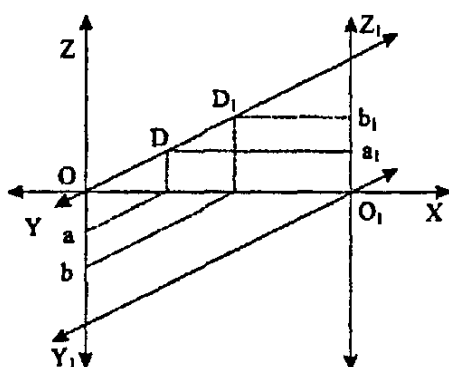

Схема 5а. (неспциалист)

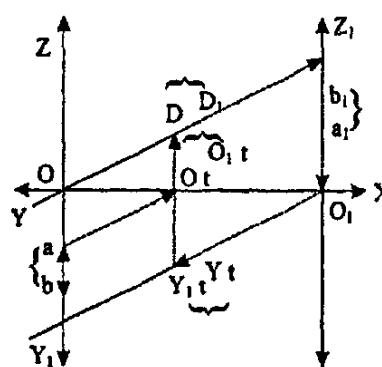

Схема 5б. (специалист)

Переводчик-неспциалист работает преимущественно в режиме соотнесения **одного** знака с **одним** объектом, что обусловлено понятной интенцией позитивистского тождества. Тем не менее, такая стратегия коренным образом отличается от «слепого» пословного перевода, при котором соотнесения с объектом вообще не происходит (ср. схему 3в). Неспциалист, как видно на схеме 5а, работает в режиме строгих изоморфизмов: знаки А и В оригинала соотносятся с объектами **D** и **D₁** и обязательно отображаются в знаках А и В перевода. Определение «полный» по отношению к научно-техническому переводу неспециалиста вполне оправдывается тем, что в этом случае стремятся к полноте набора соответствий «знак - объект», характерной для позитивистского тождества. Напротив, специалист (схема 5б) гораздо больше полагается на импликацию в когнитивной обработке текста ИЯ. Для него соответствующая область действительности намного избыточнее, чем для переводчика-неспциалиста. Ему достаточно одного знака а, чтобы соотнести с ним не только объект **D**, но также объект **D₁**, находящийся с первым в ассоциативной связи. Ведь специальные знания - своего рода культурная система, основанная на импликациях вида «если **D**, то и **D₁**». Это позволяет специалисту вести когнитивную и языковую обработку текстов «короткими» путями, пропуская избыточные знаки.

Как явствует из схемы 5б, у специалиста отсутствует КД. Действительно, его сознание способно организовать встречу знака с объектом в точке О, где «модус разности смыслов равен нулю» (Н.Э. Ключанов). Разумеется, это не всегда получается, особенно в областях науки и техники, развивавшихся под сильным

влиянием культуры ПЯ. Тем не менее, если наука предполагает своего рода конвенцию о едином понимании действительности, полное устранение КД реально. В свою очередь, устранение КД приводит к феноменологическому переживанию единой сущности, или к полному профессиональному взаимопониманию.

КД переводчика-неспециалиста вызван полнотой перевода. Это особенно характерно для профессиональных переводчиков, которым приходится переводить в незнакомой области науки и техники, но у которых есть опыт перевода по «сокращенному алгоритму» специалиста, наработанный в результате продолжительной переводческой практики в иной научно-технической сфере. Такой профессионал понимает, что его полный текст наверняка избыточен для специалиста, но не знает, какие из знаков текста ПЯ можно опустить. По мере познания новой области, т.е. постижения импликатур в действительности, КД переводчика будет постепенно выравниваться, а его сориентированная на новую область картина мира будет сближаться с картиной мира специалиста.

Проанализированные в диссертации ПД 1) экспертов в области перевода (кулинарный дискурс), 2) специалиста по межкультурной коммуникации (деловой дискурс), 3) переводчика уникальных по культурному содержанию текстов (перевод с тибетского на русский, выполненный О.О. Обермиллером), 4) комментатора перевода (комментарий Н.М. Демуровой перевода «Алисы в стране чудес» В.В. Набоковым) в целом дали результаты, согласующиеся с основными параметрами прототипического ПД. Экспериментальная модель когнитивного описания переводческого процесса оказалась достаточно гибкой, чтобы справиться с различиями в ситуациях, установках и стратегиях участников дискурса.

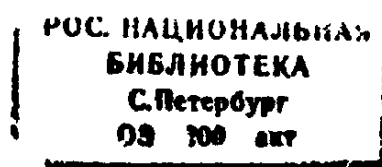
Заключительная глава диссертации посвящена анализу становления эпистемы в ходе профессионального совершенствования переводчиков. Первоначально факторы тождества и КД обучаемого профессии переводчика выводятся из замечания И.И. Халеевой о приоритетном отборе для условий языкового вуза «именно социально-значимых, культурологически специфических «отдельно-

стей», овладевая которыми обучаемый будет осваивать релевантные лингвокогнитивные характеристики представителя иной этнокультурной общности и уметь адекватно (вряд ли в полном объеме - в отсутствие соответствующей социокультурной сферы) интерпретировать его (инофона) текстовую деятельность» [Халеева 1989, 107] (выделено нами - Г.В.). Ключ к установлению потенциальных источников тождества и КД лежит в смыслах слов «отдельность» и «адекватность». Первое слово закавычено автором из-за высокой условности и категориальной неоднородности его означаемых: это специфические понятия, реакции, характерные образы, идиоматически насыщенные конструкции определенного языка и т.п. - лингвокультурные представления в ИЯ. Несколько ниже «отдельность» ставится в один ряд с понятием «лакуна» и фактически вводится **как цель в известный метод лакун [Сорокин 1973; 1982; Сорокин, Марковина 1988].**

«Отдельность» призвана служить **ориентиром** тождественного в переводе: ведь заполняя лакуну, устраняют разрыв в представлениях о культурах ИЯ и ПЯ, действующий в сознании переводчика как **когнитивный диссонанс**. А то, что «заполнение (как вербальное, так и невербальное) может иметь **различную глубину**, что зависит от характера лакуны, от типа текста и не в последнюю очередь **от особенностей реципиента** [начинающего переводчика], воспринимающего текст» [Халеева 1989, 114; выделено нами - Г.В.], эффективно суггестирует сказанное выше о пределах выравнивания КД.

«Адекватность» же подчеркивает несколько ограниченные возможности обучаемого переводу преодолеть КД. Эта трудность в значительной степени обусловлена особенностями обучения переводу в академических условиях. По мере приобретения профессионального опыта недостатки, связанные с отсутствием соответствующей социокультурной сферы, будут преодолеваются.

КД динамичен. На начальных этапах становления переводческой компетенции он чаще осознается переводчиком как **ограниченное понимание дискурса**, которому принадлежит переводимый текст. К осознанию этого уровня про-

фессиональной компетенции в условиях осуществления специальных программ подготовки будущего переводчика приводит преподаватель. Это весьма важный дидактический момент: **без постоянного КД профессиональный рост переводчика едва ли возможен.**

Дидактическое качество КД действительно также в контексте работы высокопрофессионального переводчика, умеющего самостоятельно решать проблемы интерпретации текста ИЯ, т.е. в полном объеме воспроизводить релевантные компоненты соответствующего дискурса. Для указанных условий общая формулировка КД следующая: **осознание ограничений в выборе средств ПЯ, необходимых для выполнения одной из двух ключевых интенций переводческой деятельности** (либо «соответствовать структуре», либо «соответствовать переживанию») **по совокупным параметрам дискурсов ИЯ и ПЯ.** Хотя перечисление и характеристика конкретных разновидностей КД в контексте задач настоящей работы не предусмотрены, указание на некоторые из них будет способствовать конкретизации предложенной формулировки.

Первый уровень КД. Если действует интенция «соответствовать структуре», диссонансы должны возникать в когнитивном пространстве «*система ИЯ — система ПЯ*». Однако у начинающих переводчиков, не имеющих представления о соответствующей культуре (сфере науки или производства), КД весьма редко возникает без участия преподавателя. Для начинающего система языка сводится (почти) исключительно к слову. Профессиональное восприятие текста еще не развито, знания культуры отсутствуют, и вся эвристика сводится к простому переводу терминов на основе словарных данных. В результате получается «слепой» пословный перевод, в котором не сходятся многие объекты ИЯ, с одной стороны, и знаки интерпретанты ПЯ, с другой стороны.

Примером служит анализ работ студентов 1 курса Иркутского государственного лингвистического университета, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение», проведенный в ходе экспериментальной работы.

Экспериментальный текст представлял собой очень краткий конспект делового доклада (институциональный дискурс, близкий к прототипу). Докладчик работал на основе серии слайдов, содержащих запись релевантной информации в виде ключевых слов (словосочетаний) и цифр. Эта информация была предложена для перевода. Никаких дополнительных инструкций не давалось. Для определения характера КД важны результат самостоятельной работы и особенности последующей рефлексии на результат. Ниже дается вариант перевода, названный оптимальным.

English	Русский
1900	1900
Municipal networks and street railways	Муниципальные сети и <u>уличные железные дороги</u>
1910	1910
Interconnected regulated monopolies	Взаимосвязанные <u>регулируемые монополии</u>
1980	1980
Deregulated generation	<u>Нерегулируемая генерация</u>
1995	1995
Independent system operators (Privately owned transmission systems)	Независимые операторы системы (Частные системы передач)

В тексте перевода подчеркнуты те его части, комментарий которых свидетельствовал о наличии у студентов КД. Общий смысл комментариев следующий: «Я не (совсем) понимаю смысл целого, но словари других вариантов не дают». Следовательно, основным источником необходимой для перевода информации были словарные (=системные) соответствия; сообщение на ИЯ вообще **не воспринимается как текст**, хотя в сознании студентов присутствует концептуальная метафора текста как системы. Однако на этом «наивном» уровне переводческой компетенции система текста ИЯ представляется изоморфной системе текста ПЯ, если первый производит впечатление сообщения, требующего строгости, структурной точности в передаче смысла. Переводчик еще не знает принципов и методов членения целого на части; структурной частью для него может явиться любой каким-то образом выделенный фрагмент текста: между знаками препинания, взятый отдельной строкой и т.п.

Именно рассогласование между выбранным решением и результатом, т.е. эффект КД, побуждает переводчика пересмотреть основной принцип работы с институциональным дискурсом. Понимание того, что действительность, стоящая за целым текстом, является определяющим фактором по отношению к смыслам составляющих текст слов, начинается с диалектического противоречия тождества и КД.

Совершенно иная природа КД на первом уровне переводческой компетенции, если текст ИЯ явно принадлежит персональному дискурсу, т.е. ориентирует на следование интенции «соответствовать переживанию». Показательны результаты перевода той же группой студентов ИГЛУ поэтического текста. На аналогичных условиях им было предложено перевести небольшое стихотворение Стивена Крейна. В результате аргументов «вслух» подавляющим большинством переводчиков оптимальным был признан следующий вариант:

English	Русский
Black riders came from the sea. There was clang and clang of spear and shield, And clash and clash of hoof and heel, Wild shouts and the wave of hair In the rush upon the wind: Thus the ride of Sin.	Черные всадники вышли из моря, Черные всадники — вестники горя, Столкнулись щиты, скрестились мечи - Плачь от страха! От боли кричи! Так явился - один на всех - Страшный, Великий, Безжалостный Грех.

Студенты избегали комментировать конкретные переводческие решения, касающиеся соответствий между отдельными знаковыми образами, настаивая на том, что поэтический перевод необходимо оценивать как целое (целостное) произведение. Вот типичные аргументы: «В переводе передается самое главное - настроение автора, протест против войны и насилия»; «Перевод хорошо отражает трагедию войны, а это в оригинале - самое главное»; «Если это, как и любое другое стихотворение, переводить слово в слово, получится абсурд»; «Нужно выразить главную мысль автора, и здесь она выражена»; «Здесь присутствует атмосфера оригинала»; «Автор стихотворения эмоционален, хотя и сдержан. В переводе эти эмоции выражены открыто - вот и все отличие» и т.д. и т.п. На вопрос, правильно ли переводить верлибр александрийским стихом, ответы следующие:

«Лучшие стихи на русском - рифмованные. Когда читаешь белые стихи, никаких эмоций не возникает»; «Нужно переводить так, чтобы русский читатель почувствовал настроение, атмосферу стиха. С рифмованным переводом этого добиться легче» и т.п.

В целом, начинающие переводчики обнаруживают в отношении поэтических переводов интенцию, по поводу которой Р.Р. Чайковский справедливо замечает: «Можно только сожалеть, что значительная часть поэтических переводов создавалась и создается в русле [такого] подхода: иноязычного автора «подгоняют» под вкусы читательской публики» [Чайковский 1997, 9]. Тем не менее наивные предпочтения дают основание для выводов в пользу интенции «соответствовать переживанию». Смысл комментариев сводился к следующему сложному аргументу: «Это далеко от оригинала, если судить по отдельным строкам (= следовать интенции «соответствовать структуре», добиваясь изоморфизма частей целого). Зато передается **настроение / дух / тональность / атмосфера / эмоциональность** целого».

Выделенные части суждений свидетельствуют о том, что на первом уровне переводческой компетенции диссонансы возникают в когнитивном пространстве «**дискурс ИЯ - дискурс ПЯ**». Не обладая достаточно высокой компетенцией, позволяющей увидеть за частью целое, начинающий переводчик тем не менее осуществляет полуинтуитивный, «метафоро-центрический» подход к определению того, что должно быть выражено в результате перевода — «тональность», «дух», «настроение» и т.п. Такова типичная ситуация, ведущая - при известных усилиях преподавателя - к осознанию КД первого уровня. Она же обуславливает вольный характер перевода, ибо не налагает на «наивного» переводчика никаких обязательств. Используя понятия герменевтики, следует заключить, что от предпонимания до завершённой интерпретации такой переводчик способен набросить лишь один круг смысла на целое текста (о набрасывании смысла см. Хайдеггер 1993).

Отсутствие профессионального умения маневрировать с применением разных стратегий, видеть пределы выравнивания КД в зависимости от характера отношений между знаками ПЯ и объектами ИЯ и от целей перевода приводит к тому, что у начинающих переводчиков представления о тождестве и КД диалектически не связаны. Соотношение КД и тождества представляется как **взаимное отрицание**.

Анализ ПД студентов, знания которых сравнимы с профессиональными (после прохождения заключительной производственной практики) показывает, что для пред-профессиональной переводческой эпистемы характерно соотношение **единство в тексте** (второй уровень КД). Такая переводческая эпистема позволяет решать задачи в рамках текстов ИЯ и ПЯ. Однако будущим переводчикам пока недостает умения разрешать **КД в дискурсе языка и культуры** (третий уровень КД).

Таким образом, разработанная в диссертации концепция апробирована на самых разных уровнях переводческой деятельности. Лингвофилософские принципы — принцип тождества и различий (КД переводчика), принцип дискурса как контекста, репрезентирующего переводческую эпистему, и системно-семиотическое моделирование процесса перевода — позволяют дать адекватное научное представление о когнитивных закономерностях перевода. Экспериментальная модель когнитивного представления процесса перевода обладает очевидным эвристическим потенциалом и может использоваться в дальнейших исследованиях межъязыкового посредничества в условиях разных языков и культур. Первоочередными задачами в этом направлении являются детальная разработка анализа переводческого дискурса и классификация его разновидностей на основе предложенной модели представления.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике: Монография // Вестник МГЛУ, вып. 499. - М., 2004 - 11,25 п.л.

- Концепция подготовки переводчиков для нужд Восточно-Сибирского экономического региона: Брошюра. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2000. - 0,75 п.л.
- Учебные программы теории и практики перевода в языковом вузе: Брошюра. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2000. - 1,6 п.л.
- Когнитивный диссонанс как проблема теории и практики перевода: основные концептуальные положения (авторский проект): Брошюра. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2001; Красноярск: Изд-во Сиб. Гос. Аэрокосм. Ун-та, 2002. - 2,0 п.л.
- Когнитивный диссонанс в структуре переводческой эпистемы: Статья. // Вестник ИГЛУ. Серия «Лингвистика»: Вопросы теории и практики перевода. Вып. 3. - Иркутск, 2002. - 0,6 п/л.
- Sgux interpretum в дискурсе переводчика: Статья. // Проблемы перевода и переводоведения. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2002. - 0,5 п/л.
- О когнитивном диссонансе комментатора перевода: Статья. // Вестник ИГЛУ. Серия «Лингвистика»: Вопросы теории и практики перевода. Вып. 4. - Иркутск, 2003. - 0,4 п.л.
- Понятие «переводческий дискурс» в теории перевода: Брошюра. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2003. - 1,0 п.л.
- Понятие «когнитивная модель переводческого процесса» в теории перевода: Брошюра. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2003. - 1,0 п.л.
- Диалектика тождества и когнитивного диссонанса в процессе перевода: Статья. // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. - Хабаровск, 2003. - 0,3 п.л.
- О двух интенциях в анализе переводческого дискурса: Статья. // Вестник БГУ. Серия «Филология». Вып. 2. - Улан-Удэ, 2004. - 0,4 п.л.
- К критике системно-семиотического подхода к моделированию межъязыкового перевода: Статья. // Вестник БГУ. Серия «Филология». Вып. 2. - Улан-Удэ, 2004. - 0,4 п.л.

- Когнитивный диссонанс и межкультурная коммуникация: Тезисы. // Русский язык в кругу мировых языков и языковое планирование в XXI веке. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2002.-0,1 п.л.
- Когнитивный диссонанс как *forte mobile* переводческой компетенции: Тезисы. // Перевод в сфере профессиональной коммуникации. - Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2003. - 0,1 п.л.
- Основные стратегии перевода с точки зрения когнитивного моделирования: Тезисы. // Русский язык и языковые контакты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2004. - 0,1 п.л.

Сдано в печать 28 октября 2004г.
Объем печати 1,5 п.л. Заказ № 503. Тираж 120 экз.
Отпечатано: ООО «Спринт-Принт»
г. Москва, ул. Краснобогатырская, 92
тел.: 963-41-11, 964-31-39

#23275

3

931